

ГЛУБОКИЙ зал Пермского оперного медленно погружается в полумрак. Гаснут люстры. От ожидания, от близости начала становится тревожно и трепетно. Все зоры устремлены туда, на бархатный тяжелый занавес. В полной тишине раздается постукивание дирижерской палочки.

Музыка незаметно, исподволь входит в притихший зал. Не замечаешь, как раздвигаются вместе с занавесом и словно исчезают куда-то все эти ложи, ярусы, балконы, — перед тобою лишь ярко освещенная сцена с молчаливым застывшим в неподвижности хором, а позади тебя и по сторонам тебя словно бы возникает лес — старый лес, дремучий, кондовый. От него так и веет стариной, первозданностью, суровостью. Тишина в лесу, но эта тишина звучит. И вот вливается, вплетается в музыку хор:

Лес-зеленый — золото
лесное;
Стройных сосен звонкие
стволы,
Воздух пармы, пахнущий
настоем
Летних ягод, хвой и смолы.

Мрачнеет музыка. Давнее — далекое прошлое. По косогорам разбежались и застыли покосившиеся темные домишки. Пожухлая трава. Прясла из старых жердин. Петляет по склонам глинистая тропинка, но куда ведет она, куда она привести может? Суровой стеной вокруг тайги холмистая парма без конца-края... Только слышно, как в дальней дали тоскует одинокая бездомная кукушка — вот слышно, пробивается ее вещий голос. А лес шумит, гул нарастает... Сколько проходит так? Минута? Полчаса? Вечность?

Но я сейчас не о музыке. О композиторе Александре Ивановиче Клещине.

ЗВЕНИ, ПОЛОВОДЬЕ!

Рассказы о творчестве

Он родился в далеком таежном селе. Детство его было такое же, как и всех остальных сверстников. Только одно, пожалуй, отличало: он больше других любил лес. Суровая тишина, молчаливые сосны и ели, мягкий мох, скрадывающий шаги... Но если остановиться и, подняв голову, чутко прислушаться к тишине, то можно услышать голос леса. Вот постепенно замерли вдаль голоса босоногих товарищей — и тишина начинает звучать. Лесная тишина начинает петь. Но только это надо уметь слышать. Чуть заметно шелестят высокие кроны. Где-то поскрипывает расщепленная лесина. Доносится мерная стукотня

дятла. Мягко ударяясь о сучья и увлекая за собой прошлогодние ржавые иглы, с легким шорохом ниспадает наземь сосновая шишка. Тишина, полная музыки.

Он, мальчишка, стоял так, слушая долго, очень долго — и вдруг неожиданно для самого себя начинал петь. Петь что-то ребячье, бессмысленное, порой совсем даже без слов. И хорошо было потом, внезапно смолкнув, услышать, как песня постепенно и многократно замирала вдаль.

Он постоянно что-нибудь напевал. Это были разные песни. Песни всегдашние, какие пели по всей его родной Косе. Песни, перенятые по радио. И, конечно, совсем

свои песенки — без слов и без смысла.

Играть на гармошке он научился рано, у отца была старенькая двухрядка. Как-то он напустился и сам взвалил двухрядку на колени, робко притронулся к белым перламутровым пуговкам. А вскоре получил первую в своей жизни музыкальную премию. Играл он в тот раз в настоящем клубе. Сидеть на высоком стуле было страшно неудобно, ноги не доставали до пола, баян упорно соскальзывал с колен, но все обошлось хорошо. И когда хлынули аплодисменты, первые в его жизни, он, поставив баян, стремглав умчался за кулисы.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРМЬ

г. ПЕРМЬ

25 СЕН 1970

А потом была война, наступила трудная жизнь, и была в ней сапожная мастерская, он смолил дратву, подшивал валенки, набивал каблуки... Однажды в Косу приехал человек, который сказал, что он собирает для театральной студии в Кудымкар подходящую молодежь. Решился попытать свое счастье и Саша Клещин. Приняли.

Студийцы готовили скетч, и в этом спектакле по ходу действия — две песенки, и к ним надо подобрать мелодию. Кто-то сказал ему не то в шутку, не то всерьез:

— Сочини-ка музыку, Сашка, ты же так на баяне...

И он сочинил. Конечно, они были наивные и подражательные, эти песенки шестнадцатилетнего автора, но они понравились. С той поры так и повелось — как спектакль, музыку заказывают Саше Клещину.

Но сам он отлично понимал, что все это еще не на-

стоящее, не самостоятельное. Для него стало необходимо-стью создать свою, родную, коми-пермяцкую песню. Он пошел в магазин и купил сборник стихов. Он не особенно задумывался над тем, какую лучше купить книжку, ему нужны были стихи, стихи на родном языке. По счастью ему попалась хорошая книжка. Но то, что он остановился на стихотворении Степана Караваева «Ой ты, Иньва», — это не случайно. Напевность, ритмичность и содержание стихотворения были такие, что невольно сами по себе так и просились на музыку. Он взял аккордеон и принялся наигрывать — сначала робко, а потом все уверенней. Он сам не верил, что все так складно получается.

Потом у него была Москва и музыкальное училище имени Гнесиных. Их было двое в классе таких взрослых — он да его товарищ тезка Саша Чернышев. Остальные были

мальчики и девочки. Да, отстали они, эти двое юношей, отстали во всем, но ведь на учебу можно налечь. Они приходили к дверям училища задолго до рассвета и, стоя на морозе, ждали, когда строгий швейцар наконец отомкнет двери. Они вбегали в пустой класс, раскрывали инструмент и придирчиво один другого экзаменовали...

Учение давно позади, он дома, и мы сидим в его светлой комнатке. Перед ним на инструменте ноты. Это его ноты, его черновики. Это заветный труд, его сюита о лесе.

Он много работает. Разнообразие форм и жанров — одна из особенностей его творчества. Лирические песни — и скерцо для скрипки с фортепиано; песни для балалайки — и фантазия для двух ролей на старые коми-пермяцкие темы; обработка народных мелодий — и музыкальное оформление самых что ни на есть современных

театральных постановок. Но к чему бы ни прикоснулась его творческая фантазия — в каждом произведении прозвучивается его собственный голос, ему присущий почерк, его тема, его интонации. Это и понятно: истоки его творчества берут свое начало там, в неиссякаемом роднике народного музыкального творчества. Чуть только лето, чуть выдалось свободное время — и вот, где бы он ни работал, он приезжает в свой родной край.

У нас в Перми он бывал только наездами. День-два... месяц... Но ведь наезд наездом. Там поставить концертную программу, там объяснить молодежи особенности национального, коми-пермяцкого, там зайти к замлякам на кафедру в Пермский педагогический и потолковать до поздней ночи об искусстве... Всегда помощь — делом и советом. Звание заслуженного деятеля культуры Александр Клещин носит по праву.

...А там, на сцене Пермского оперного светло. Там — великое чудо музыки. Там его заветная сюита о лесе.

С тихим шелестом опадают листья, замирает, засыпает умиротворенная природа. Иней серебряный, иней шелестящий, иней узорчатый...

Скоро, скоро осень минет. Заметет в полях пурга, От мороза лес застынет...

Кружится крупными хлопьями и мягко опадает снег. Закутывает, одевает кустарники, валежники, пеньки сплошным белым покрывалом. По снегу замысловатые заячьи петли, а горностай пробежал — словно крестиками расписался. Стрекохот, переговариваются белки-кумушки. Застыл лес, Тишина, в которой только музыка. И только эхо лесное, эхо зимнее, крепкое, стылое, звонкое разносится над тайгой. Это вдали раздается песня лесорубов. Там, вдалеке, сполохи

электрические, там гул моторов и звон механических пил. Там — люди, они работают...

И вновь поворот мелодии, свободный поворот, потому что — весна:

Ой, весна — пора сердечная,

Ой, разлив весенних вод!

Пусть река бушует вешняя, Вдаль уносит первый плот.

Плавятся снега, звенят, щебечут звонкие ручьи. Палит щедрое солнце. Взламывается на реках со звоном, стоном и шорохом лед. Полая вода. И — пошла полая вода гулять по крутым уральским рекам! Знай не зевай, направляй плоты пахучей древесины! Крепчает ветер, подгоняет караваны, полощет флаги.

На высокий берег выходят лесорубы, строители, колхозники — и машут вслед караванам рукой. А ветер ласково треплет их волосы...

Звени, половодье!

Вл. ЧЕРНЕНКО,
писатель.